

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ПОЭЗИЯ ТАНЦА

ЕГО ЗНАЕТ, наверное, каждый. Как, впрочем, и коллектив, руководимый им, и само искусство, которое несут они, испокон любимое народом и все-таки неповторимое в своей удивительности. Мы говорим о народном артисте СССР, лауреате Ленинской и Государственных премий Игоре Моисееве и Государственном академическом ансамбле народного танца СССР, создателем и бессменным руководителем которого он является вот уже около сорока лет.

Радуга красок, виртуозное мастерство, высокая эмоциональность и богатство мысли... Каких только слов не ставили мы рядом с его искусством! Но ни одно из них не может выразить тех чувств, того праздника, которые входят в наши сердца, когда мы смотрим ансамбль Моисеева на сцене или на экране. И каждый раз после такой встречи идут в редакцию письма: «Расскажите об Игоре Моисееве...»

С этого — читательских писем — мы и начали разговор.

— **Игорь Александрович,** самая песенная, самая плясовая и самая добрая к искусству сельская аудитория шлет Вам и Вашему ансамблю искренние пожелания новых успехов и просит хотя бы коротко рассказать о Вас на страницах газеты. Как бы Вы ответили им сами?

— Прожито уже так много, что и не знаю, с чего начать. Да и будет ли им интересен собеседник, которому далеко за шестьдесят, но который и сегодня готов идти за прекрасной мелодией и радоваться огневой пляске где-нибудь на пятачке за деревенской околицей, как когда-то в детстве, на звонкоголосой Полтавщине, куда на лето приезжал я к сестрам моего отца? Они там преподавали в сельских школах. И вот, представьте себе, я до сих пор, как будто все это вчера было, вижу и старую Полтаву с ее тогдашним бытом, и живописные села и слышу море украинских мелодий. И вижу удивительную гармонию народных плясок, игрищ, с которых, возможно, и началась моя дорога к танцу.

В искусство пришел солистом балета Большого театра. Танцевал Феникса в «Красном цветке» Глиэра, Рауля в «Теалинде» Шуберта, в других спектаклях. В 24 года стал балетмейстером. В тридцать один начал репетиции с ансамблем народного танца СССР. С тех пор вся моя жизнь — с ним и в нем...

Заметим, с ансамблем, которого, по сути, еще не было, ансамблем, который, можно сказать, был всего лишь его мечтой. Ведь народная танцевальная хореография к тому времени была областью малоизведанной.

Нужно было иметь немало смелости, чтобы оставить столь ясно сложившуюся дорогу и торить свою, начинать все сначала. Может, поэтому и удивлялись многие: из Большого в самостоятельность? А он решился. И сегодня все мы должны быть благодарны его творческой отваге. Благодарны хотя бы за то, что вот уже более тридцати лет несет в народ прекрасное искусство прекрасный ансамбль, в репертуаре которого поистине астрономическая цифра сочиненных и поставленных одним человеком танцев — более трехсот!

— **Игорь Александрович,** как рождается танец, что помогает Вам в Вашем творчестве?

— Сама жизнь. Имея в распоряжении огромное фольклорное богатство, я часто оттапливаюсь от народных былин, сказаний, сказок. Так родилась постановка «Половецких плясок» на музыку Бородина, «Скорморохов» на музыку Римского-Корсакова. Танец — яр-

кая краска в палитре народного бытия. Но, выбирая одну краску, необходимо знать всю палитру: веками сложившиеся традиции, бытовой уклад, привычки.

Меня всегда интересует в танце логика развития чувств, правда взаимоотношений, а не формальные элементы. Если есть большая мысль, есть поэтическая достоверность, возникает и выразительная хореография. И когда это удается, народ признает танец своим. Так было, например, с нашей «Бульбой». Дело в том, что у белорусов не было танца «Бульбы», а была песня о бульбе, то бишь о картофеле, веселая девичья песня, которую я слышал в одном из сел, когда девушки уходили с поля. Содержание ее примерно такое: в этом году хороший урожай картофеля. Значит, год будет сытный, счастливый, будут песни и пляски. И мне захотелось содержание этой песни перевести на язык танца. Я сделал этот танец, который как бы воспроизводит работы на картофельном поле, а заканчивается тем, что девушки скатываются за юбку одна их всех утаскивает за кулисы. Очень веселый танец. Трогательно, что он настолько органично вошел в быт сельских труженников республики, что если сейчас спросить кого-нибудь в Белоруссии, кто автор его, вам ответят: «У нас этот танец был всегда».

Или другой пример. В Молдавии есть изумительная мелодия «чиокырлия», которая разыгрывается любым народным оркестром. Причем у молдаван скрип-

ка — это народный инструмент, а потому висит в каждой крестьянской избе. И почти каждый умеет играть на ней. Голос скрипки очень похож на пение жаворонка, особенно когда играют летом. Мелодия необычайно динамичная, необычайно ритмичная, звонкая, веселая.

В конце сороковых годов я был главным балетмейстером Молдавской декады в Москве. Извездил всю Молдавию. Был не в одной веселой деревеньке. И всюду, куда бы ни приезжал, слышал без конца «чиокырлия», «чиокырлия». И мне стало обидно, почему такая веселая музыка не воплощена в танец? И вот я сделал его. И сейчас любой молдаван скажет, что они всегда танцевали «чиокырлю».

— **Какие республики, области Вы считаете наиболее богатыми фольклорными традициями?**

— Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось бы рассказать историю нашего ансамбля. А это слишком долгий разговор. Если все же надо отвечать, я бы назвал Украину, Молдавию, Грузию, Азербайджан, Узбекистан... И, конечно, Россию. Когда мы говорим о русском танце, трудно выделить единый стиль. Как много диалектов в русском языке, так и область русского танца здесь практически неисчерпаема.

— **Пожалуйста,** несколько слов участникам сельской художественной самодеятельности.

— Танцевальное искусство на селе очень развито. И это, конечно, радует. Но не

может не огорчать одно обстоятельство: в последние годы в народном танце, кого уж, не знаю, винить за это, стало появляться много лишнего, не характерного, не музыкального, подчас просто трюкачества. Идет это, видимо, от незнания народной танцевальной основы своего края. А без этого не может быть настоящего творчества.

Если ввести даже самые эффектные приемы, нетипичные для того или иного «танцевального диалекта», произведение сразу же потеряет прелесть и естественность жизненной достоверности. И когда во время гастролей к нам заходят на консультацию руководители сельских танцевальных коллективов, я прежде всего говорю им: смотрите жизнь, учитесь у нее.

— **Игорь Александрович,** к слову о гастролях. Многие читатели приглашают Ваш ансамбль в гости, благо на селе теперь немало дворцов культуры, не уступающих городским. Шутят: пусть отдохнут у нас от трудных дальних гастролей.

— Что дальние гастроли трудны, это верно. Каждое выступление за рубежом — это тяжелая, нередко героическая работа. Мы танцевали в Гаване при тропической жаре и влажности воздуха, дошедшей до 98 процентов; исполняли свои пляски в Эквадоре, расположенном на высоте 3.000 метров, и за кулисами — между танцами — жадно припадали к кислородным приборам; ни на мгновение не замедлили вихревого темпа, когда в одном из городов хулиганы пытались сорвать представление. Танцоры успешно закончили его, и зал целый час, стоя, аплодировал нам.

Мы стремимся средствами танца будить в людях благородные чувства. Что поделаешь, не всем нравятся наши дружеские устремления. К счастью, недоброжелателей становится все меньше.

А за приглашение в село — спасибо! Будем считать, что мы его приняли.

Беседу вела
А. ПРОКАЗНИКОВА.